

. : АНТОЛОГИЯ ФАНТАСТИКИ ДМИТРИЯ ИГНАТОВА : .

выпуск 14
**8К, ИЛИ КАМЕРНЫЙ КЛУБ
КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ**

* * *

#недалёкое_будущее #поиск_себя #отношения
#романтика #шахматы
#книги

// WWW.ДМИТРИЙИГНАТОВ.РФ // Telegram: [@ME_WRITER](https://t.me/ME_WRITER) // Fury: [@WRITER](https://t.me/WRITER) //

8К, ИЛИ КАМЕРНЫЙ КЛУБ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ

У вас есть девушка? Как бы вы ни ответили на этот вопрос, это не важно для моей истории, потому что она не о девушке, а о хобби. Кстати, у вас есть хобби? Если нет, то непременно заведите себе хобби. Поверьте, зачастую это важнее, чем завести кота. И даже важнее, чем завести девушку.

А знаете ли вы, что в отличие от котов, которым всё равно, девушки по отношению к хобби делятся на два типа. Первым интересно, чем занимаетесь вы. Они с интересом суют свой любопытный нос, заглядывая вам через плечо, задают вопросы. Иногда восхищаются, но часто оказываются совершенно разочарованы, на какую ерунду вы тратите своё время, и в лучшем случае молчат. Вторых больше волнуют свои занятия, и они будут посвящать им часы, дни, месяцы, а то и годы. Они будут или без умолку рассказывать вам о них, а могут молчать так, словно это нечто сокровенное, не предназначенное для постороннего глаза.

Катя относится к обоим типам. И это подчёркивает относительность и ущербность любых подобных классификаций. Впрочем, сама она так не думает. И если спросить её сейчас, какая она, то скорее всего она выдаст чёткий набор, по её мнению, строгих определений: высокая, стройная, умная, блондинка. И это будет правдой.

– Умная блондинка – это оксюморон, – выдаю я банальнейшую шутку, на которую она уже не обижается, но над которой я сам по-прежнему смеюсь.

– Ты сам смеёшься над своими шутками, – спокойно замечает Катя очевидный факт, вновь опуская глаза к своему монитору.

– Да, – соглашаюсь я лишь для того чтобы продолжить спор, – но только потому, что они смешные.

– Нет, – отвечает Катя, хватая наживку, – Только потому что они твои. Над моими смешными шутками ты не смеёшься.

– Хочешь сказать, что у тебя бывают смешные шутки?

– Сейчас ты скажешь, что "мои смешные шутки" – это тоже оксюморон. Может, это потому что ты наконец выучил слово "оксюморон"?

– Ой, не смей меня!

– Вот видишь, значит, у меня бывают смешные шутки.

Ощущая свою быструю победу в этой лёгкой словесной пикировке, Катя слегка улыбается и продолжает работать.

Мы сидим напротив друг друга, хотя фактически занимаемся совершенно разной работой, но формально относимся к одному отделу. Интересно, какому умнику пришла в голову идея, что всех работающих исключительно на компьютере специалистов необходимо отнести в "IT". Архитекторы тоже много работают на компьютере, и тоже "рисуют картинки", но почему-то их не смешивают с дизайнерами. Зато программисты пишущие свой код и аудирующие чужой сливаются в едином цифровом экстазе. Блеск и нищета классификации. Впрочем, я рад, что год назад Катю посадили в мой кабинет. Здесь всегда тихо и

спокойно. И из живых существ постоянно бывает лишь трое: я, Катя и разросшийся кактус, которому нравится тут меньше всех остальных, ведь он уже больше года никак не желает цвести.

Мы работаем вместе уже год, и почти II месяцев из этого года встречаемся, но тем не менее продолжаем жить отдельно. Она много говорит о себе, но, кажется, я всё равно почти не знаю. Начнём с того, что за всё время я ни разу не был у неё дома.

* * *

Я прохожу в комнату. Первое, что бросается в глаза, это большой стеллаж с книгами, занимающий всю стену, что само по себе странно для середины XXI века. И небольшое количество всех прочих предметов. Эта аскетичность свойственна характеру Кати. Но я не ожидал, что это так явно будет выражаться в интерьере.

— Почему ты решила пригласить меня к себе домой?— спрашиваю я, разглядывая книги, пока она достаёт включает на кухне чайник,— Это какой-то новый этап отношений?

— Считаю, что так,— отвечает она как-то легко и почти небрежно.

— А у тебя много книг,— неловко перевожу я тему разговора.

— Я в курсе.

— Но я не замечал, чтобы ты много читала.

– А я их и не читаю. Просто собираю по цвету корешков, – отвечает Катя, зайдя в комнату, и ставит на журнальный столик кружку с чаем и тарелку с магазинным пирогом.

– Хватит меня разыгрывать. Я же вижу, что они разного цвета.

– М-м-м, ну, это ты заметил, – улыбается Катя.

– Окей! Но с книгой я тебя всё равно ни разу тебя не видел, потому что на работе и в транспорте ты не читаешь.

– Элементарно, Ватсон. Потому что я не из тех, кто читает на работе и в транспорте. Считаю, что этот процесс слишком интимный.

– Интимнее, чем секс? – улыбаюсь я, устраиваясь на небольшом диванчике и отпивая чай.

– Уверена, что да, – серьёзно отвечает она, – Ведь только книга может трахнуть тебя до самой глубины души.

– И что это за книга... для тебя?

Я думаю, что этот вопрос заставит Катю задуматься, но она отвечает почти сразу:

– "1984"

– Оу... Я тоже любил в детстве читать Бредберри.

– Это не он написал, – в голосе Кати чувствуется глубокое разочарование и это меня забавляет, – Бредберри

– это "451 градус по Фаренгейту".

– Какой позор... Меня сбили цифры в названии. Вторая попытка? Саймак?

– Нет.

– Фейхтвангер.

– Почему он? Совсем нет.

– Чёрт! – я расстраиваюсь почти взаправду, – Голсуорси?

- Ты прикалываешься?!
- Да.
- Я так и подумала,– Катя устало отводит глаза,– Но разнообразие имён выдаёт в тебе...
- Книголюба?
- Любителя кроссвордов,– резко отвечает она.
- Это было больно. Теперь ты во мне разочарована?
- Немного.
- Не дашь мне?..– я намеренно делаю длинную паузу.
- Ну, почему же?– удивляется Катя.
- ... почитать что-нибудь?
- Такому мерзкому типу я просто не смогу отказать. Только не потеряй и не заляпай ничем, потому что эти книги – часть ценной коллекции.
- Я протягиваю руку и достаю потрепанную замусоленную книжку.
- Чейз в мягких корках? Часть ценной коллекции?– искренне удивляюсь я.
- Ценной для меня,– серьёзно отвечает Катя,– Эти книжки я собирала несколько лет.
- Я, конечно, могу что-то напутать...– задумчиво отламываю я чайной ложкой кусочек торта и отправляю в рот.
- Как и с Бредберри?
- Да, как с Бредберри. Но разве коллекция не отличается от простой свалки барахла тем, что предметы объединяет что-то общее?
- Всё так,– отвечает девушка, хитро глядя на меня.
- И что же объединяет твою коллекцию?– я оглядываю полки, продолжая размышлять вслух,– Тут и классика, и

детективы, и фантастика, и история, и даже справочники...

– Не угадаешь?

– Хочешь поиграть?

– Да, – она улыбается, испытывая меня.

– Не уверен, что любитель кроссвордов справится... – я поднимаюсь с дивана, беру с полки первую попавшуюся книжку и начинаю листать её в поисках зацепки. Я небрежно пролистываю все страницы, ни о чём не думая, а потом возвращаюсь к форзацу. Многие коллекционеры надписывают свои книги или даже проставляют экслибрис, которые часто говорят не только о владельце. Но ничего подобного я не нахожу. ISBN, издательство, тираж, год... Я улыбаюсь забавному совпадению, но потом вдруг решаю проверить свою шуточную гипотезу. Я беру с разных полок ещё пару книжки и вдруг начинаю смеяться в голос.

– Что? – не понимая как реагировать, спрашивает Катя.

– 1984. И это твоя "коллекция"? Серьезно? Ты собираешь книги по году издания?

– Да... А что такого? – она немного обиженно смотрит на меня, как на человека, который только что усомнился в чём-то для неё жизненно важном.

– Но ведь... – я пытаюсь говорить серьезно, – Какой в этом смысл?

– Он есть.

– И какой же он?

– Он специфический... Ты не поймёшь.

– Просвети меня.

Катя делает паузу, смотря на меня с неким недоверием, словно прикидывая мысленно, вызовут ли её дальнейшие объяснения мои насмешки.

— Не думаю, что тебе будет интересно. Ты же не коллекционер.

* * *

Говорят, что общее дело сближает людей. Психологи иногда рекомендуют парам найти такое занятие, которое увлекало бы их обоих. И речь, конечно же, не про секс. Но в тот момент я совершенно не планировал слишком уж глубоко погружаться в экстравагантное собирательство Кати. Просто когда наступает очередной выходной и мы вдвоём гуляем по городу, она не может отказать себе в удовольствии зайти в книжный магазин.

Правильнее назвать его "букинистический", ведь продаются в нём исключительно старые книги. Уже лет 15 я не видел, чтобы хоть что-то печаталось на бумаге, разве что только рекламные брошюры и глянцевого журналы — по сути всё та же реклама. Книги окончательно ушли в "цифру", а вместе с этим, вероятно, и пропало слово "букинистический", остался только "книжный". Но и в книжном магазине многое пропало. Например, продавец.

Катя ходит вдоль стеллажей, где аккуратными рядами расставлены рассортированные и проклеенные электронными чипами книжки. Вот она тянется за одной ей ведомым томиком, достаёт с полки, привычным движением раскрывает обложку и, разочарованно покачав головой,

ставит на место. Не тот год издания. Так повторяется несколько раз.

Очевидно, вся трудность поиска очередной книжки для Катиной коллекции заключается в самом принципе, по которому эта коллекция собирается. Согласитесь, где бы вы ни находились, в библиотеке или книжном магазине, книги там расставлены совсем по иным законам. Они могут быть рассортированы по жанрам, по тематике, по названию в алфавитном порядке, в конце концов, по имени автора, но вряд ли кто расставляет книги по году издания.

— Как ты решаешь, что смотреть?— не выдерживаю и спрашиваю я.

— По списку.

— По каком списку?

— По списку в моей голове,— отвечает Катя, рассматривая очередную книжку,— Я вытащила список фильтрованный по году из каталога интернет-магазина, вычеркнула то, что у меня уже есть, а остальные иду по названиям.

— Но это же не всегда работает,— пожимаю я плечами,— Ведь часто там указан год первого издания, а не конкретно того, что есть в продаже. Есть книги, которые издавались в 1984-м, но впервые были изданы раньше, и тогда ты их пропустишь. А есть такие, которые были действительно впервые изданы в 1984-м, но потом переиздавались. И тогда ты, вероятнее всего встретишь, как раз более позднее издание.

— Спасибо, умник!— Катя немного раздражённо сверкает на меня глазами.

— Просто, обычно такие ошибки никого не волнуют. Читателям не так важен год издания... как тебе,— я

договариваю фразу и, видя как лицо моей девушки постепенно краснеет от негодования, непроизвольно начинаю улыбаться.

– Ну и?

– М?

– Ну и что?

– Что "ну и что"?

– Я же знаю, что ты хотел сказать.

– Ничего, – я почти смеюсь.

– Ну, конечно!

– Нет, правда, ничего я не хотел сказать.

– Говори уже...

– Да мне нечего сказать.

– Да говори, ну!

– Ладно... – я решаю, что уже довольно помучил её паузой, – Ты занимаешься какой-то фигнёй.

– Это твоё мнение, – Катя отворачивается, снова погрузившись в поиски.

– Ты даже не можешь объяснить в чём смысл.

– Могу, – Катя тоже выдерживает паузу, – Но не хочу. Ты всё равно не поймёшь.

– Ну, конечно! – я громко смеюсь в тишине пустого магазина.

– Конечно, не поймёшь, – чуть язвительно, но довольно улыбается Катя всё-таки найдя подходящую книжку, – Потому что ты не коллекционер.

Мы проходим через безлюдную шеренгу автоматических касс. Сканер на рамке считывает ID с чипа на книжке и выставляет счёт. Катя подносит мобильный к терминалу.

После подтверждения перед нами раскрывается турникет, выпускающий нас из магазина.

* * *

Всё утро Катя работает молча. Очевидно, она всё ещё обижается на мою недавнюю выходку, хотя на выходных и не подавала виду. Я бросаю короткий взгляд на приунывший на окне кактус, прикидывая как лучше начать разговор.

– Знаешь, что я тут подумал на счёт твоего хобби?

– Знаю. Что это "фигня какая-то".

– Ну... Да. Но я сейчас не про это. Я тоже решил заняться коллекционированием.

– С чего вдруг?– презрительно хмыкает Катя.

– Просто надоело, что ты тыкаешь, что я "не коллекционер" и всё такое. Подумал, что возможно, и правда стоит попробовать. Вдруг это меня увлечёт?

– Ну-ну...

Не думаю, что я хоть сколько-нибудь серьёзно подхожу к вопросу. Наверное, любое коллекционирование, если как следует разобраться, довольно глупое и не серьёзное занятие. В конечном итоге, коллекционер не создаёт никаких вещей, кроме набора из вещей, созданных не им. И коллекционером может стать любой. Для этого не требуется особого ума или способностей. Так какого же чёрта, наглая девчонка смеет говорить мне, что я, дескать, не могу чего-то понять?

– Зря иронизируешь, – говорю я Кате, пока она сидит за столом напротив и разбирается в своих кодах, – Буду собирать свою книжную коллекцию.

– Неужели?

– Представь себе, – улыбаюсь я, словно не замечаю скепсиса в её голосе.

– И что же это? Фантастика?

– Нет, почему же...

– Ну, ты же любишь фантастику, – заметила Катя, – Вот и подумала, что ты, возможно, решил собрать книжек любимой тематики.

– Я почти всё, что хотел прочитать, уже прочитал в электронном виде, – отвечаю я, делая вид, что тоже работаю.

– Так и какие же книги ты собираешь?

– Ну... – я загадочно замолкаю и делаю паузу, – Пока еще рано об этом говорить. Я только начал. Но я непременно покажу тебе, когда книжек в коллекции наберётся побольше.

– Снова разводишь меня? – хмурится Катя, но, кажется о чём-то задумывается.

– Вовсе нет.

Я чувствую, что моя провокация удалась. Кате определённо понравилось бы, начни я и вправду разделять с ней её сумасшествие. Что ж, тем забавнее будет разоблачение.

* * *

Как мне представляется, для начинающего коллекционера самое важное – ответить на вопрос, что и по какому принципу он будет собирать. Катя по одной ей ведомой причине собирает книги издания 1984 г.. Возможно, ей просто так нравится роман Оруэлла, что сами эти цифры уже вызывают в её тельце некое подобие ментального оргазма? Я не имею понятия. Но к созданию своей коллекции я решаю подойти с полнейшей рассудительностью и прагматизмом, ведь основной её задачей будет хорошенько потроллить мою не в меру заносчивую подругу. И вот я уже один стою всё в том же безлюдном книжном магазине, где нет ни продавца ни покупателей, в почти безлюдном мире, где среднестатистический человек чаще смотрит в экран своего мобильного электронного девайса, чем в окно. И уж, конечно, намного реже он смотрит на страницы бумажной книги. И в этот момент я делаю свой единственно правильный выбор. Я совершенно точно представляю, какой будет моя коллекция. И в ней совершенно точно будет смысл. Очевидный, видимый глазами, но при этом скрытый от них.

Я смеюсь в тишине и беру с полки подходящую книгу. Делаю несколько шагов вдоль стеллажей и беру ещё одну. Снова и снова, пока стопка в моих руках не становится слишком большой.

– Для начала хватит, – говорю я сам себе, ощущая удовольствие, которое, вероятно, испытывают и коллекционеры, обретшие, наконец, своё "богатство".

Дома я освобождаю полку на стене. Цифровые диски с программами и фильмами, какие-то оставленные впопыхах мелочи, никому ненужные сувениры – всё отправляется в картонную коробку и ссылается в дальний угол шкафа с пожизненным приговором "когда-нибудь разберу". Всё. Теперь здесь будет находиться моя коллекция, – подвожу я итог своей "уборке" и расставляю купленные книжки.

Я некоторое время смотрю на ряд корешков. Словно художник делаю пару шагов назад, прищуриваясь и присматриваюсь. Меняю пару книг местами, чтобы соблюсти "порядок".

– Да! Теперь идеально! – вслух произношу я и улыбаюсь. Кажется, деверь на пути коллекционного психоза уже открылась, и делая шаг внутрь, я не замечаю этого.

* * *

Люблю Катино лицо. Особенно в те быстротечные моменты, когда оно находится в состоянии перехода от одной эмоции к другой. В последнее время уже никого не удивишь эмоциональными андроидами и тем более смоделированными 3D-актёрами, которые профессионально кривляются в кино вместо своих давно постаревших или умерших прототипов. Но этот момент преобразования на живом лице живого человека бесценен, ведь за ним стоит трансформация внутренних состояний.

И сейчас, когда Катя смотрит на мою коллекцию, я смотрю на её лицо. И этот момент стоит денег, потраченных на два десятка книжек.

– И это твоя коллекция?– наконец выдавливает из себя Катя.

– Да!– с горделивым удовольствием в голосе отвечаю я.

– И эти книги?...

– Зелёные. Они все зелёные. Смотри, как они классно вписались в интерьер.

– Мда...– задумчиво протягивает Катя, очевидно, не зная, как реагировать дальше.

– Обрати внимание,– продолжаю я, чтобы усилить эффект,– Я расставил их по оттенкам: от более светлого к тёмному. Получился такой плавный переход...

– Ты правда считаешь, что это можно назвать коллекцией?– она наконец-то произносит тот вопрос, ради которого всё затевалось.

– Конечно.

– Нет, это просто книжки с одинаковым цветом корешков.

– Да,– соглашаюсь я,– Но это ничем не хуже, чем книжки с одинаковым годом издания.

В этот момент Катя ещё раз меняется в лице: его выражение становится каким-то хмуро-раздражённым.

– Ах, ты... Так ты просто решил поиздеваться надо мной.

– Ну что ты...,– мой внутренний троллящий доминант ликует,– В моей коллекции есть и другие более скрытые смыслы.

– Ах и другие значит?!– Катя чуть надувает губки.

– Можешь не верить, но непременно продолжу её собирать.

– Можешь не утруждаться. Ты уже достаточно постебался! Смешнее уже вряд ли получится.

Она злится, словно я совершил некий акт осквернения. Позволил себе насмешку над её ценностями. В каком-то

смысле даже обесценил их. Возможно и так. Но я плохо знаю Катю, если она не попробует отплатить мне за это в своём собственном стиле и по своим правилам.

* * *

Я сижу на открытой веранде летнего кафе, куда часть сотрудников нашей небольшой фирмы регулярно ходят на обед. Сейчас это называется "релакс-брейк", лет 15 назад называлось "бизнес-ланчем", а прежде – "перерывом на обед". Меняет ли это суть, если я все всё так же едят дешёвую по своей себестоимости еду, которая вкусна за счёт соусов и добавок, поэтому к 14 часам дня это кажется логичным и выгодным вложением средств?

Я поливаю пряную горчицу на сосиску с остатком макарон и неторопливо доедаю обед. За мой столик из дешёвого лёгкого пластика кто-то присаживается прямо напротив. Не поднимая взгляда от тарелки, я уже знаю, что это Катя. Она улыбается, сжимая в руке небольшую пластиковую коробочку – сложенную доску дорожных шахмат на магнитах.

– Сыграем?

Я молча отодвигаю тарелку с остатками еды, понимая, что возражения вряд ли будут приняты.

– Напомни мне, – я отпиваю сок из высокого стакана и смотрю на Катю, – зачем мы до сих играем в шахматы?

– В смысле? – она устраивается поудобнее и начинает расставлять фигуры.

– Сейчас у каждого в смартфоне есть шахматный симулятор, играющий на уровне крепкого гроссмейстера. И

если игра так уж нравится, можно подобрать для себя подходящий уровень и играть в любом месте и в любое время.

– В этом я как раз не вижу смысла. Ведь очевидно, что компьютер рассчитывает варианты ходов быстрее человека.

– Вот именно.

– Но игра между живыми людьми это совсем другое дело. Это противостояние двух живых интеллектов...

– Да, точно-точно! Противостояние интеллектов... – перебиваю я, – Так, а мы-то с тобой зачем играем?

– Ну, конечно... Я и забыла, что интеллектом ты считаешь исключительно себя, – прищурилась Катя, – Забыть не могу твою физиономию, когда я впервые тебя обыграла.

– Это была случайность.

– Да, да... И во второй раз... И в третий...

– Статистически я выигрываю на порядок чаще, – замечаю я холодно, стараясь не реагировать на её подначки.

– Это не значит, что так будет всегда. Я расту над собой, а ты используешь против меня набор своих наигранных приёмов.

– Они же каждый раз с тобой прекрасно работают, – усмехаюсь я.

– Так, я не поняла, ты хочешь со мной играть или нет? – хмурится Катя.

– Хочу, хочу, – соглашаюсь я.

– Вот, и это ответ на твой вопрос, почему люди играют. Они просто хотят, – Катя разворачивает доску и двигает пешку, – Сегодня я буду белыми. Так. Ходи.

– Но я не хочу играть просто так, – решаю я воспользоваться ситуацией.

– Мммм, хочешь сыграть на интерес? Какое-нибудь твоё извращённое желание?

– Почти,– не убирая с лица ухмылки, отвечаю я,– Признаешь, что моя коллекция ничуть не хуже твоей.

– Ну уж нет...

– Боишься, что проиграешь? В очередной раз.

– Вовсе нет. Я согласна на твоё глупое условие. Играем?

– Да,– я делаю ответный ход.

Катя играет в шахматы неплохо, но очень нестабильно. Она может хорошо планировать свои атаки, или вдумчиво блокировать мои. Но часто в её сознании начинает преобладать нечто женское: она слишком эмоционально реагирует на досадные оплошности, вроде случайно допущенного зевка, и после этого играет слишком импульсивно. Первая ошибка влечёт за собой вторую, третью, пока дело, наконец, не доходит до мата. Но сейчас она не ошибается. По всей видимости, Катя не желает проигрывать и, как говорилось раньше, "закусила удила".

– А знаешь, в чём живые шахматисты пока ещё сильнее компьютерных?– вдруг спрашивает она.

– М?

– В способности придумывать новые правила и варианты игры.

– Имеешь в виду шахматы Фишера или какую-нибудь древнюю Махараджу?– решаю я блеснуть своей осведомлённостью

– Ну, к примеру.

– Не думаю, что это серьёзное преимущество. В конечном итоге, все эти игры всего лишь вариации классических шахмат, не вносящие в игру ничего принципиально нового.

При желании, компьютер легко можно обучить каждому из них.

– Но вопрос же в возможности человека к творчеству. Только человек может задавать новые правила.

– Только не говори, что кроме странных коллекций книг, ты ещё и придумываешь странные шахматные игры.

– Только одну с единственным дополнительным правилом. Точнее с дополнительным разрешением.

– Это интересно. И что же это?– я бегло осматриваю ситуацию на доске, складывающуюся для меня более чем благоприятно, и делаю очередной ход,– Шах.

Катя спокойно отодвигает своего короля в угол, предопределяя ему мат в два хода.

– При необходимости можно есть свои собственные фигуры. Жертвовать ими ради победы.

– Хм...– я задумываюсь,– Жертвенные шахматы. Это звучит интересно, но не очень логично. Вряд ли найдётся ситуация, в которой такие суицидальные ходы выгодны.

– Привести пример?– Катя ехидно улыбается, снимая с доски своего коня, и выводя вперёд ладью,– Тебе мат.

– Эй... Как?– меня выбивает это из колеи, я пытаюсь что-то возразить, но Катя уже поднимается со своего места,– Мы же не договаривались заранее, что играем в твои шахматы...

– А мы и про обычные шахматы не договаривались,– смеётся она,– Всё, я победила. Теперь пора бежать, а то очень много работы. Встретимся в офисе.

– Это не в зачёт! Натуральное мошенничество!

– Да, да!– на бегу бросает Катя,– И твоя коллекция по-прежнему фигня полная.

Я молча смотрю на позицию, оставшуюся на доске. И начинаю собирать фигуры в коробку. Перерыв действительно подошёл к концу и впереди ещё 3 часа работы, которой никогда не бывает слишком мало. И это тоже человеческие правила игры, которые одни люди придумывают для других.

* * *

На столе начинает вибрировать Катин смартфон. Она смотрит на экран, а потом переводит на меня вопросительный взгляд. Я слегка улыбаюсь и молчу. Сейчас она не понимает, почему сообщение от меня пришло ей в зашифрованном приватном чате, но всё становится ясно, когда Катя открывает его. Через цепочку прокси луковая ссылка приводит её на веб-интерфейс с доступом, которого никогда не должно было быть. Личный кабинет читателя центральной городской библиотеки, но с полным административным доступом. И с набором книг 1984-го года издания из более чем 100 наименований, которые остаётся только забрать, предъявив роботу на выдаче номер бронирования.

– И что ты предлагаешь? – спрашивает Катя в чате.

– Предлагаю сделать заказ, а потом съездить на машине и забрать его.

– Серьёзно?

– Да. Только лучше ночью, чтобы не вызывать вопросы у других посетителей.

– А камеры?

– А-то как же? "Большой брат" следит за тобой =)) Но мы сможем их отключить. Я проверил.

– Но это же жёстко противозаконно.

– Я думал, ты любишь нарушать правила, – молча бросаю я взгляд на Катю и добавляю, – Но как хочешь.

Я встаю с места и подхожу к шкафу, где на полке у нас хранится чай, кофе и пожизненный запас различных печенек.

– Кстати, хотел рассказать о своей коллекции. В ней появилась одна книжка, – уже вслух говорю я, как ни в чём не бывало переводя тему, и наливаю чай, выдерживая паузу, – 1984-го года издания.

– Неужели? – поднимает на меня глаза Катя и в её интонации чувствуется плохо скрываемая заинтересованность вперемешку с лёгким раздражением.

– Угу, – отхлёбываю я из кружки подчёркнуто громко, – Но я не отдам её тебе... Ведь она божественно приятного зелёного цвета.

– Козёл, – она отворачивается от меня к монитору.

– Великолепный оттенок. Мне не хватало его, – продолжаю я, – Знаешь, она прекрасно будет смотреться где-то ближе к концу первой полки. Что-то вроде трёх четвертей.

– Молчи.

– Видишь, как всё интересно получается. Благодаря тебе я увлёкся коллекционированием и, казалось бы это должно увеличить взаимопонимание, как-то сблизить нас. Но всегда возникает конфликт интересов. Конкуренция.

– Ты заткнёшься сегодня? – Катя встаёт с места и раздражённо выходит из кабинета.

— Когда остынешь, возвращайся пить чай,— говорю я ей вслед и слышу звук хлопающей двери.

Я закидываю в рот миниатюрную подушечку рассыпчатого миндального печенья. Сладкое и изысканное. Похоже на вкус лёгкой победы.

* * *

Я просыпаюсь поздно. Сегодня выходной и мне не нужно на работу. Первое, что я делаю — беру в руки смартфон. Наверное так же, как и миллионы других современных людей. Но меня интересуют не обновления в соцсетях, не новости и не погода. Катя обычно всегда просыпается раньше меня и независимо от своего настроения, самочувствия, состояния атмосферы и солнечной активности, отправляет мне сообщение с текстом "Доброе утро!". Обычно я отвечаю на него с опозданием в час или два. Но сегодня никаких сообщений от Кати нет. Я отправляю ей: "Доброе утро! Спишь, засоня?" и, не расставаясь с телефоном, иду делать себе кофе.

Я завтракаю, одеваюсь, бросаю короткий взгляд на ряд зелёных книжек. Интересно. Они у меня уже довольно долго, а я ни разу не нашёл времени, чтобы открыть хотя бы одну. Откровенно говоря, у меня даже не было мысли сделать это. Да я даже не знаю, что там за книги.

Забавно, у каждого из нас в кармане уже находится по высокопроизводительному компьютеру с огромной памятью, способной уместить все книги мира, с экраном разрешением 8К, на котором уже невозможно невооружённым глазом разглядеть ни единого отдельного пикселя. Но тем

не менее мы не находим времени, чтобы прочитать хотя бы одну книгу. Я не особо верю в сильный искусственный интеллект, в компьютер, способный к осознанию самого себя, но я воочию вижу слабый естественный интеллект, людей, которые не осознают себя вовсе. Не удивлюсь, если когда-нибудь они совершенно разучатся принимать решения, и тогда компьютеры начнут решать всё. Без какой-либо войны, без какого-то там "восстания машин".

Я протягиваю руку и достаю с полки книгу в тёмно-зелёном переплёте. Фолкнер "Сойди, Моисей". Что-то историческое, про рабство негров в Америке. Никогда особенно не интересовался этой темой, поэтому и так мало об этом знаю. Я сажусь в кресло, открываю книгу и прочитываю буквально пару страниц, так как не могу избавиться от надоедливой мысли. Некой логической западни. Рабы освободились от рабовладельцев, потому что были угнетаемы и протестовали. Но, кто может освободить человечество от рабства, если оно добровольно?

От мыслей и чтения меня отвлекает телефон. Пожалуй, это основная задача этого девайса. С ней он справляется лучше всего.

– Доброе утро!– пишет Катя,– Я не сплю.

– А что делаешь?

– Проснулась рано, не спалось. Я занималась уборкой.

– Понятно. Встретимся?

– А знаешь...– она специально устраивает интригу, и я чувствую, что это вовсе не касается наших обычных прогулок в выходной день.

– М?

– Я тоже нашла у себя книгу 1984-го года в зелёной обложке. И я тоже тебе её не отдам!– за сообщением следует дразнящийся языком анимированный стикер.

– Мммм...– многозначительно отвечаю я,– Специально её искала всё утро?

– В смысле?– спрашивает Катя после некоторого раздумья.

– В прямом. Тебя это так сильно зацепило, что ты аж посвятило этому утро выходного дня. Серьёзно?

– И... что?

– Ничего. Молодец, археолог, теперь можешь оставить её себе,– я добавляю смеющийся до слёз смайл, а следом спрашиваю,– Так встретимся сегодня?

Мой вопрос остаётся без ответа. Я улыбаюсь и возвращаюсь глазами к страницам книги. Забавно, ведь все мы можем быть ещё и рабами своих собственных увлечений, рабами своих одержимостей, убеждённостей, заставляющих нас действовать и смотреть на мир особым образом. Но... Что там у негров?

* * *

Звонок раздаётся примерно в 2 часа ночи. И, конечно, это Катя. Но это не телефон. Она стоит на пороге в джинсах и темной кожаной куртке с волосами на распуск, слегка растрёпанными, не как обычно.

– Что случилось?

– Ничего,– она отвечает кратко и немного резко и входит.

– Как ты добралась в такое время?

– Взяла кар-шаринг.

– Ах, да.. Прости... Но, всё-таки, что случилось? – я всё ещё туго соображаю спросонья.

– Я сделала заказ и хочу забрать его.

– Заказ?– я вспоминаю наш разговор, после которого прошёл уже не один месяц,– Сегодня? Сейчас?!

– Да,– уверенно отвечает Катя,– Ты сам говорил, что ночью будет сподручнее всего,– она делает паузу,– Или уже не участвуешь?

– Нет, конечно, участвую.

Я быстро одеваюсь. Вдвоём мы на лифте спускаемся в подземный гараж, а уже через 10 минут едем по пустой дороге ночного города. Я изредка поглядываю на Катю, но она молча смотрит в ночную пустоту. Впрочем, её пальцы, еле заметно постукивающие по коленкам, выдают нервозность.

– Волнуешься?– нарочно спрашиваю я с непринуждённой интонацией, уже зная, что она не признается.

– Бовсе нет.

Конечно, она волнуется. Она волнуется, когда мы входим светлые ярко освещенные безлюдные залы. Она волнуется, когда мы проходим по коридору в зал автоматической выдачи книг. Она волнуется, когда я ввожу коды и один за другим открываю ящики камер хранения, куда ещё с утра услужливый робот сложил наши книжки. Она волнуется, пока складывает их ровными стопками в объёмный чемодан на колёсиках, а потом бросает осторожный взгляд на камеру наблюдения.

Я не вижу его в тот момент, а замечаю его только через три часа уже у себя дома, когда сажусь за ноутбук и,

войдя в систему видеонаблюдения библиотеки, удаляю фрагменты записи.

– Из тебя вышел бы замечательный хакер, – замечает Катя, глядя мне через плечо.

– А из тебя никудышный ворюшка, – отвечаю я, – Дёргалась. Даже вот уронила пачку книг.

– Ну, извини. Я обворовываю библиотеку не каждый день!

– Не думаю, что это кража... – говорю я, не отвлекаясь от рабочего процесса, – Судя по учёткам, большинство из книг в последний раз брали лет 5 назад. Разве можно украсть то, что и так никому не нужно?

– Возможно... Ты и прав... – Катя располагается прямо на полу рядом в чемоданом и задумчиво разглядывает нашу добычу, вынимая книги по одной и складывая в стопки, – А зачем ты взял эти?

– Что? – я отвлекаюсь от монитора, – А что?

– Но... Это не 1984 год.

– И что? Они зелёные, – я ловлю удивлённый взгляд своей подруги и отвечаю подчёркнуто эмоционально, – Представь себе! Я взял и себе несколько книжек. Да, да! Мир не сошёлся на тебе, дорогая моя.

– Нет, нет. Просто... – смущается Катя, – Я думала, ты закончил с коллекционированием.

– Напротив! Даже освободил третью полку, – я поворачиваюсь на стуле, показывая руками, – Вообще, я хочу освободить всё это пространство под новый стеллаж. Будут зелёные книги во всю стену.

Катя смотрит на меня и игриво улыбается. Так она делает только в одном случае – когда спланировала и ожидает, прежде чем сказать мне какую-нибудь гадость. Нет, в

двух случаях. Ещё перед тем, как оказаться со мной в одной постели... Нет, всё-таки в одном случае.

* * *

Катя лежит со мной на разложенном диване. Её голова опирается на моё плечо, стройная длинная нога заброшена на меня сверху. Может показаться, что она почти спит, но по частоте дыхания я понимаю, что она просто молчит. А когда Катя не говорит, это значит, что она думает. И, когда этот процесс закончится, она непременно поделится результатом.

– Знаешь... А ведь теперь можно сказать, что мы пара, – говорит она.

– В каком смысле? Мы уже год как пара. Разве нет?

– Ну, пара, конечно... Но я не про общение, и не про секс. Появилось нечто ещё...

– Ты про нашу сегодняшнюю авантюру? – улыбаюсь я, нежно поглаживая подругу по волосам.

– В том числе. И вообще, общее хобби...

– Это важно? – то ли спрашиваю, то ли утверждаю я, чувствуя, что медленно засыпаю.

– Для меня да.

– Тогда, может, сделаем наши отношения более... официальными?

– В смысле? – Катя чуть приподнимает голову с моего плеча.

– Ну... – всё так же сонно и подчёркнуто спокойно говорю я, с небольшой ухмылкой поглядывая на неё полузакрытыми

глазами,— можем организовать что-то вроде книжного клуба.

— Ну и гад же ты!— она чувствительно ударяет меня кулачком в грудь, но всё равно улыбается.

— Зря ты так несерьёзно относишься, к тому вопросу... Книжный клуб — это отличная идея.

— Не маловато ли нас для книжного клуба?

— Ну пусть... Камерный книжный клуб. Надо же с чего-то начинать. Единомышленники появятся потом.

— Но мы же не книголюбы, а коллекционеры. Надо отразить в названии клуба это.

— Камерный клуб коллекционеров,— исправляю я.

— Камерный клуб крадущих коллекционеров.

— Мы играем в слова на одну букву?

— Да!— Катя смеётся,— Твоя очередь.

— Хорошо. Но чур с перестановками! Камерный клуб коллекционеров крадущих книги.

— Это не по правилам...

— Да ну? Как и брать свои фигуры.

— Ладно...— согласно вздыхает Катя, принимая аргумент,— Камерный клуб коллекционеров крадущих и классифицирующих книги.

— А союзы на другую букву разве по правилам?

— Да. Как и переставлять слова.

— Окей... Камерный клуб коллекционеров крадущих и классифицирующих книги...— я зеваю.

— И?... Сдаёшься?

— Я думаю,— отвечаю я, борясь со сном,— Камерный клуб коллекционеров крадущих и классифицирующих книжные корешки.

– Эй! Ещё и замена слов?

– Ты же в начале заменила "книжный" на "коллекционеров".

– Ну-ну...

– А вообще я просто не такой пафосный и самодовольный... Это ты коллекционируешь книги, – я зеваю ещё глубже, почти проваливаясь в сон, – А я... просто книжные корешки.

– Да, по цвету. Зелёные. Так... Камерный клуб коллекционеров крадущих и классифицирующих красивые книжные корешки. Что скажешь? Твой ход! Слышишь?...

Я уже ничего не отвечаю Кате, потому что крепко сплю.

* * *

Я обожаю завтракать вдвоём с Катей. Она ещё заспанная и растрёпанная. Но в этом непринуждённом неряшливом образе меня всегда привлекает что-то. Возможно, это проявление высокой степени доверия, или даже близости, а возможно это и есть тот самый домашний уют, который выражается не столько в окружающих вещах, сколько в людях.

Обмениваясь обрывочными репликами, мы говорим на разные темы, как это и бывает в разговоре обо всём и ни о чём. Но Катя вдруг возвращается к своему коллекционному пунктику.

– А ты всё ещё хочешь узнать, почему именно I984?

Теперь она решила, и это важно для неё, поэтому я, конечно же, отвечаю:

– Да. Расскажи.

– Оруэлл писал антиутопию о гипотетическом будущем, вкладывая в неё проблемы, которые уже видел в современном ему настоящем.

– Угу, – киваю я в подтверждение того, что искренне пытаюсь понять.

– Но это будущее давно настало... У нас есть и системы глобального наблюдения, и машины пропаганды, оперирующие общественным мнением, и даже роботы, следящие за твоими действиями в Сети.

– Чуть позже 1984 года, – улыбаюсь я.

– Да. А в моей собраны книги из реального 1984 года. Хорошие и плохие, глубокие и поверхностные, запоминающиеся и проходные. То, что могли прочитать реальные люди, зайдя в книжный магазин в 1984-м. Такой... Типографский отпечаток времени.

– Красиво.

– Ты правда так думаешь?

– Да. Довольно интересная мысль, – я, улыбаясь, смотрю на Катю, – А "1984" издания 1984 года у тебя есть?

– Конечно! – глаза Кати загораются таким свойственным всем коллекционерам маниакальным блеском, она достаёт книгу и показывает мне с нескрываемой гордостью, – С неё всё и началось!

– Жаль, – отвечаю я, – Я теоретически мог бы тебе её подарить, но раз она уже есть, то нет смысла искать.

– Кстати, да... И раньше говорили, что книга – это лучший подарок, – Катя задумчиво смотрит на ряд зелёных корешков, отпивая кофе, – Ну, а что у тебя?

Я выдерживаю паузу, неторопливо доедая остатки завтрака.

– Хочешь знать?

– Да, – кивает она.

– Точно? – усмехаюсь я.

– Да. Только не говори, что это только для того, чтоб постебать мою коллекцию. Я уже не поверю в это.

– Ну... Вообще-то изначально, так оно и было. Смысл был в этом. Но потом появился ещё один. Но, признаюсь, что он родился именно в процессе.

– И какой же он? – я ловлю заинтересованный взгляд Кати, – Почему зелёный цвет?

– Цвет может быть любим. У меня это зелёный, потому что у меня весь интерьер зелёный и зелёные книги отличного в него вписались.

– Так смысла нет?

– Нет, смысл есть. Смысл в том, что смысла нет. Что человечество владеет книгами, но не читает их. Обладает богатством знаний и культуры, но не использует его. Фактически, это уже просто книжные корешки, стоящие на полках. Ну, в таком случае, пусть они хотя бы подходят по цвету.

Катя задумчиво замолкает, глядя на расставленные по цвету корешки. Ровный ряд сплавным градиентом, переходом от тёмного к светлому.

– А знаешь, – наконец говорит она очень серьёзно, – твоя коллекция и правда ничуть не хуже моей.

– Думаешь? Ты сейчас серьёзно?

– Совершенно. И знаешь почему? Потому что это не просто самая настоящая коллекция, это ещё и арт-объект. Ты начал это как глупую шутку надо мной, а на самом деле... Это про всех людей, которые в большинстве своём уже не читают книг.

– Спасибо. Но, думаю, ты меня перехваливаешь— пожимаю я плечами и прямо в чашке кипятком из чайника заливаю себе вторую порцию кофе,— Хотя... Не знаю как людей, а меня моя коллекция точно побудила снова начать читать книги...

– Это очень хорошо,— Катя с довольным видом смотрит на меня немного испытующим взглядом, подпирая подбородок обеими руками,— И как ощущения?

– Это просто замечательно, Кэтти!— смеюсь я в ответ.

* * *

Мы вдвоём находимся в моей квартире. Сидим на зелёном диване. В углу, разноцветными огнями сверкает зелёная ёлка. За окном крупными хлопьями падает одноцветный белый снег, словно разорванные в клочки страницы книг, которые так никто и не прочитал. Мы смотрим на полки, заставленные зелёными книгами и разговариваем о чём-то неопределённом.

– А ты тогда и правда не пошутил?— вдруг спрашивает Катя, отпивая горячий какао из своей кружки с нарисованным оленем.

– На счёт чего?— не понимаю я, потеряв нить предшествующего разговора.

– Про книгу из твоей коллекции 1984 года издания.

– Правда. Не пошутил.

– И она сейчас где-то здесь?— Катя задумчиво смотрит на полки.

– Нет,— отвечаю я чуть улыбаясь,— Её сейчас там нет.

– Почему?

– Потому что я решил, что для неё найдётся место получше, – я вынимаю из-за диванной подушки небольшой свёрток в серебристой бумаге, перевязанный зелёной ленточкой, и отдаю Кате. Она удивлённо смотрит на меня, потом аккуратно и неторопливо разворачивает свёрток и вдруг заливается своим звонким смехом.

– Ты решил подарить её мне?

– Думаю, тебе она важнее. В конце концов это ты собираешь настоящую коллекцию, – отвечаю я, ещё не до конца понимая, в чём дело.

– Это... Очень мило, – Катя нежно целует меня.

– А почему ты тогда смеёшься?

– Потому что ты ещё не видел свой подарок, – она вручает мне небольшую подарочную коробочку. Я открываю её и невольно улыбаюсь. Внутри точно такая же книга в обложке божественно приятного зелёного цвета, изданная в 1984 году.

– Что ж... – я подхожу к полке, – Тогда стоит вернуть её на место. Так градиент станет более плавным.

– А не хочешь для разнообразия прочитать её?

Я кручу книгу в руках перед тем, как поставить на полку.

– О'Генри... У меня никогда не доходили до него руки. Но теперь непременно. Что-то про любовь?

– Классика, – Катя пожимает плечами, – Но не потерявшая актуальность. Очень даже. Поймёшь, если прочтёшь.

* * *

"В книгах и пьесах не бывает случайных деталей. Висящее на стене ружьё непременно должно выстрелить" — размышляю я, отвлѣкшись от работы, поднимаюсь с места и поливаю разросшийся кактус, как делаю это обычно раз в неделю.

Вокруг ничего не изменилось. Небольшой кабинет. И Катя, работающая напротив. Всё, как всегда. Но что-то всё-таки произошло. "Так... И почему же не цветёт этот противный кактус? Возможно, это не конец небольшой истории, а начало какой-то другой и большой?" Я снова сажусь за стол. До конца рабочего дня ещё два часа.

ПОНРАВИЛОСЬ? ПЕРЕШЛИТЕ ТОМУ, КОМУ ТОЖЕ МОЖЕТ ПОНРАВИТЬСЯ.

ЧИТАТЬ БОЛЬШЕ

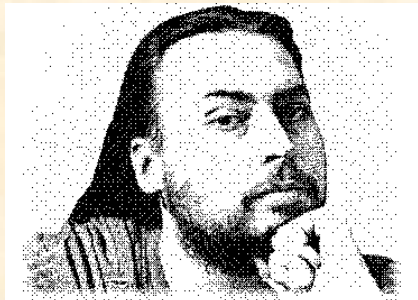

НА САЙТЕ АВТОРА

// ПОДДЕРЖАТЬ АВТОРА: // Т-Банк: 4377 7278 1597 2638 //

// TON-Coin: EQAuG_4DzexBD3zRyqmW-vrB7eMk4C3Zc1ERONaUM5p4Dukv //

ОБ АВТОРЕ

Российский писатель-фантаст, работающий в жанрах твёрдой научной фантастики, гуманитарной и социальной фантастики, философской новеллистики, антиутопии.

Автор сценариев для короткометражного фестивального кино. В этом качестве участвовал в кинофестивалях «КиноШок» и «Метрополис».

В настоящее время – дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы.

Исполняет обязанности заместителя главного редактора в журнале «Парус» (Москва), а также веб-редактора и графического дизайнера в журнале «Дрон» (Белгород).

* * *

Публиковался в изданиях «Знание – Сила», «Знание – Сила: Фантастика», «Искатель», «Подвиг», «Новый журнал» (США), «Нева», «Дарьял», «Байкал», «Смена», «День и Ночь», «Нижний Новгород», «Машины и механизмы», «Инвожо», «Южная звезда», «Истоки», «Крылья», «Дальний Восток», «День литературы», «Парус», «Северо-Муйские огни», «Эмигрантская лира», «Дрон», «Сура», «Бийский вестник», «Ротонда», «Рукопись», «Белая скала», «Вещь», «Литературная Россия», «Литературный Крым», «Причал» (журнал отд. СПР г. Ярославль), альманахах «Под часами», «Литературный оверлок» и «Литературный альманах» (г. Хабаровск), «Эдита» (Германия), сборниках: «Тайны и приключения», «Наука веселья», «Мастера прозы», «Modus operandi», «Открытый космос», «Художественная верификация», «Мистический писатель», «Паттерны» (изд. «Перископ-Болга»), интернет-изданиях: «Великороссь», «Невечерний свет», «Автограф», «Пять стихий», электронном приложении «Мастерская» журнала «Семь искусств». Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор», иронического фэнтези «Кампания Тьмы», хоррор-повести «Первыми сохнут хипстеры» и др.

// ПОДДЕРЖАТЬ АВТОРА: // Т-Банк: 4377 7278 1597 2638 //

// TON-Coin: EQAuG_4DzexBD3zRyqmW-vrB7eMk4C3Zc1ERONaUM5p4DUkv //